

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.101.8

СВОБОДА ВОЛИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН: ВВЕДЕНИЕ В ОБЩУЮ ТЕОРИЮ СТИМУЛОВ

В.П. Фёдоров

ООО «Управление транспортными активами», г. Москва

В статье рассматриваются две альтернативные трактовки соотношения и противоречивого взаимодействия свободной воли и экономических законов, уходящие корнями в философские системы Юма и Канта. Выдвинута гипотеза о фундаментальном влиянии этих альтернативных концепций на формирование классической и «еретической» традиции в экономической теории. Переосмысливая принцип априоризма Канта на основе достижений современных гуманитарных и естественных наук, автор предлагает рассматривать противоречие должного и сущего как имманентную характеристику экономических отношений в обществе. Данное противоречие обуславливает необходимость специфического алгоритма реализации законов, где ключевую роль играет категория «стимул». При этом предлагается отказаться от традиционного разделения экономической теории на позитивную и нормативную. В качестве обновленной научной парадигмы предлагается ввести в научный оборот общую теорию стимулов.

Ключевые слова: *свобода, стимул, норма, интерес, закон*

Экономическая теория родилась как нормативная наука. Это был жанр верноподданных советов государю по торговой и таможенной политике, валюте и денежному обращению, по развитию мануфактур и ремесел. Нечто революционное случилось в эпоху Просвещения. Стали появляться работы, которые представили экономику как автономный от государя самостоятельно функционирующий организм. Практикующий врач Франсуа Кэне, вдохновляясь аналогом кровообращения, представил кругооборот национальной экономики в виде знаменитой таблицы. Бернар Мандевиль – голландский врач и авантюрист – в стихотворной «Басне о пчёлах» сформулировал парадокс о частных пороках, которые чудесным образом складываются в общественную добродетель [8, с. 267–270]. Адам Смит – профессор моральной философии и confident Дэвида Юма – разглядел в этом парадоксе «невидимую руку» рынка [8, с. 226–232].

Метафора о «невидимой руке» станет путеводной звездой для целого направления в экономической науке, которое впоследствии удостоится почетного титула классической политической экономии. Не до конца понятно, что понимали классики под «невидимой рукой» – божественное провидение или равнодействующую стихийных рыночных сил, но привела эта концепция к идее «расчистки завалов» меркантилистского законодательного регулирования экономики с целью освобождения «естественных» законов, что потом трансформировалось в поиск объективных экономических законов, которые в стиле *laissez-faire* руководят экономической жизнью. Политическая экономия при такой трактовке начала претендовать на статус такой же

уважаемой и авторитетной науки, как и классическая механика Исаака Ньютона [9, с. 73–74].

Альтернатива классической политической экономии сформировалась в Германии. Иммануил Кант в «Критике чистого разума» выдвинул концепцию априоризма, критикуя Дэвида Юма за абсолютизацию чувственного опыта как исключительного источника знания [4, с. 13, 25]. По мысли Канта наш практический опыт возможен только на основе априорных доопытных форм, которые организуют и структурируют наше познание. И как сам процесс познания возможен только на основе и посредством априорных представлений о пространстве и времени [4, с. 36–51], так и мотивация человека основана на единстве двух источников – его естественных природных потребностей и априорно заданного морального закона [4, с.164–186]. Существование последнего в виде категорического императива и формирует, по представлениям Канта, саму возможность свободы воли, ибо категорический императив предписывает сугубо формальный принцип поведения человека, не претендуя на то, чтобы отображать его реальное поведение. Человек получает свободу, он *может* поступать в соответствии со своими природными потребностями, но при этом он отдает себе отчет, как он *должен* поступать в соответствии с моральным законом.

Как представляется, концепция свободы воли Канта существенно отличается от концепции «невидимой руки рынка», которая стала символом веры экономического либерализма. Экономическая гармония, «волшебным» образом возникающая из стихийного процесса преследования экономическими агентами исключительно своих эгоистических интересов, не тождественна поведению совокупности экономических агентов, которые должны постоянно и сознательно соотносить свою корыстную деятельность с априорно данным моральным законом. И свобода безграничного эгоизма не тождественна свободе выбора между эгоизмом и моральным законом. Это принципиальное различие и определило фундаментальный «водораздел» двух научных традиций в экономической теории.

В чем принципиальное отличие методологии Юма и Канта? Для Дэвида Юма и Адама Смита экономический закон – это феномен сферы сущего. Конечно, не поверхностно сущего, а скрытого под толщей эгоистических интересов бесконечного множества экономических агентов. Феномен, который требует научных усилий для его открытия и познания. Но экономический закон – в их понимании – не является непосредственным мотивом поведения человека в экономике. Либерализм классической политической экономии исходит из того, что человек действует, руководствуясь исключительно своими личными эгоистическими интересами. Это необходимое и достаточное условие функционирования либеральной экономики.

Для Канта же человеческое общество немислимо без априорно данного морального закона. Соответственно, экономическая жизнь человека определяется двумя принципиальными источниками мотивации – его естественными потребностями и моральным законом. При этом моральный закон *должен* быть непосредственным мотивом частного поведения, хотя *может* и не быть им. Таким образом, моральный закон отнесен в сферу должного. Соответственно, постулируется фундаментальное противоречие

сущего и должного как имманентный признак социальной и, соответственно, экономической жизни общества. И свобода воли по Канту – это выбор между частными интересами и моральным законом.

Формирование двух альтернативных концепций свободы и закона – это тот самый «краеугольный камень», который до сих пор определяет «архитектуру» экономической науки. Классическая политическая экономия на фоне успехов английской промышленной революции оказалась истоком *mainstream'a* экономической теории. Первоначальный энтузиазм по поводу способности экономической теории открывать объективные экономические законы со временем существенно угас. Выдвигаемые «железные» и «вечные» законы со временем либо отвергались, либо объявлялись тавтологиями [8, с. 133–141]. И современные представители этого научного направления склонны сегодня, рассматривать само понятие объективного экономического закона как научную архаику, предпочитая оперировать такими терминами, как теорема, концепция, модель [6, с. 21]. При этом, *mainstream* экономической теории подвергается нарастающей и все более разнообразной критике, как практиков экономики, так и многочисленных научных оппонентов. Принципиальный вектор этой критики состоит в упреках в не реалистичности предпосылок, замкнутости на абстрактном моделировании и, в конечном счете, в отрыве от практики. И хотя «крепость» позитивной *Economics* ещё далеко не взята, но уже выдвигаются вполне обоснованные тезисы, что позитивная экономическая теория стала только риторикой [2, с. 108–110].

Методология Канта вдохновляла многочисленных «еретиков» экономической теории. Отрицание самой возможности вневременных абстрактных экономических законов для всех времен и народов стало научным *credo* старой и новой исторических школ в Германии. Впечатляющие исследования и описания экономических порядков, предпринятые немцами под руководством Густава Шмоллера, вдохновили научное направление институционализма [11, с.1066–1068]. Параллельно интересно и продуктивно развивался научный диалог двух альтернативных направлений. Своеобразным «мостиком» между двумя концепциями свободы и экономических законов стали старая и новая австрийские школы [1, с.81–105]. Макс Вебер, стремясь добавить конкретной реалистичности в абстрактные предпосылки классиков, не впадая при этом в крайний эмпиризм исторической школы, выдвинул концепцию идеальных типов, заложив тем самым основы новой общественной науки – социологии [3, с. 81]. Существенная черта теории Дж. М. Кейнса – концепция предпочтений и ожиданий как существенных стимулов поведения экономического агента – также, как представляется, родилась в диалоге этих двух научных традиций [5, с.74–79]. Само классическое, а затем неоклассическое направление также заимствовало идеи у оппонентов. Признание значения сферы должного в экономической жизни привело к формированию нормативной теории благосостояния как составной части целостного корпуса экономической теории. Поиск продуктивных идей для нового синтеза продолжается и сегодня. Формат данной статьи исключает возможность даже беглого изложения всего спектра поиска, но хотелось бы отметить направление новой институциональной экономической теории (НИЭТ) как научную школу, которая ставит вопрос о новой научной парадигме [10, с. IX, 608] и набирает заслуживающую внимания популярность.

Отдавая должное всем этим попыткам, следует отметить, что они не ставят под сомнение целесообразность самого разделения всего корпуса экономической теории на позитивную и нормативную. Спор, так или иначе, сосредоточен вокруг того, где провести границу. На наш взгляд, допустим и более радикальный подход, который предлагает преодолеть само это разделение. Наш вариант синтеза представляет собой реинкарнацию знаменитого призыва неокантианцев начала XX века: «Назад к Канту!». Мы предлагаем вернуться к методологическому подходу Канта и оценить его с точки зрения современного состояния науки.

Конечно, вряд ли сегодня покажется достаточным основанием ссылка на Бога и бессмертие души как на причину существования априорного морального закона. Но современная наука нашла иные доказательства существования априорных индивидуальному опыту и сосуществующих с эгоистическими интересами мотивов поведения. Так, современные антропология, генетика, нейробиология и эволюционная этика утверждают, что стремление к кооперации и альтруизм являются результатом эволюции человека как общественного животного и генетически закреплены. Стремление к сотрудничеству, заимствованию опыта и встраиванию в иерархию закреплено на уровне инстинктов в процессе долгой истории эволюции человеческого сообщества [7, с. 291–392]. И эти инстинктивные навыки являются априорными для любого индивидуального опыта. Кант назвал эти априорные принципы моральным законом, который находится внутри каждого из нас. И это утверждение было гениальным прозрением великого философа.

Если придерживаться логики идеи априоризма в новой редакции, тогда надо будет признать, что экономическая жизнь разворачивается в рамках фундаментального противоречия должного и сущего, в основе своей, в форме конфликтного сосуществования должных норм и свободной воли индивида. При этом развивается как система норм, так и степень индивидуальной свободы. Понятно, что в рамках этой концепции нет места гипотезе «естественных» законов. В отношении концепта объективных экономических законов имеет смысл не быть столь категоричным. Поиск устойчивых, повторяющихся взаимосвязей в экономике может быть продолжен. Но принципиально важно понимать, что невозможно при этом абстрагироваться от существования «расширяющейся галактики» должных норм, в рамках которых действуют хозяйствующие субъекты. И в этом бесконечном развертывании норм и свобод нет и не было никакого «естественного» состояния, и в равной степени все состояния и формы социальной жизни являются естественными в рамках того или иного диапазона нормы на том или ином историческом этапе развития общества.

Фундаментальное отличие экономической теории от естественных наук давно уже стало общепризнанной аксиомой. В экономике действуют субъекты – носители свободной воли. Эта банальность на уровне базисной предпосылки становится камнем преткновения уже на следующих шагах дедукции, когда надо мириады свободных волей втиснуть в «прокрустово ложе» объективности. Вариантов ответов история науки предложила множество. Здесь и объективная обусловленность субъективных действий, и типизация субъектов (например, идеальные типы Макса Вебера), и

абстрагирование от случайного в приближении к необходимому, и отказ от анализа действий реального человека в пользу конструкции «*homo oeconomicus*», и абстрагирование от индивидов в пользу таких агрегатов как класс (пролетариат, буржуазия, средний класс и т.п.).

Но все эти варианты, оставляя в качестве предмета науки изучение отношений, уже на следующем этапе научного анализа приходили к невозможности выведения экономических законов. По крайней мере, в том каноническом виде, к которому приучили стандарты естественных наук. Никак не удавалось «отлить в бронзе» причинно-следственные связи, которые фиксировали бы универсальные, количественно определенные взаимосвязи между явлениями (событиями). Вместо лаконичных за событием *X* последует событие *Y*, экономисты начинали накручивать оговорки и условия. Знаменитое «при прочих равных» у них вырастало в такое множество неопределенных и неконтролируемых факторов, что вывод терял строгость и обрастал бесконечными «в принципе», «с вероятностью», «скорее всего».

Неопределенность и вариативность будущего имеет для экономистов принципиально иной смысл, чем для представителя любой естественной науки. Действующий человек, экономический агент, наделенный индивидуальным сознанием и свободной волей – это фундаментальная реальность, которая принципиально отличает экономику от естественных наук. Установка на абстрагирование от индивидуальной субъективности в желании вывести некую объективную реальность, которая снимает в философском смысле субъективность как «помехи» и спешит перейти к анализу производственных отношений, порядков и т. п. субстратов, понятна с точки зрения науки претендующей на позитивность своего статуса. Но одновременно предмет науки как бы «омертвляется». Потому что жизнь и движение переносится в нормативную часть теории, в сферу конструирования экономической политики, в сферу целеполагания, в сферу программ, концепций, доктрин. Но в реальной жизни экономический агент продолжает жить! Как не становятся «пешками на шахматной доске» иные, кроме творящего экономическую политику государства, институты общества.

С точки зрения методологии науки здесь важно то обстоятельство, что все участники экономической жизни, а не только государство как доминирующий агент, продуцируют в общество некую реальность, которая и становится причиной экономической деятельности, т. е. приводит к следствиям в виде событий, сделок, контрактов и т. п.

Эта реальность хорошо известна экономистам, но традиционно задвигается в тень объективных производственных отношений. Эта реальность – стимулы, т.е. информационные сигналы, которые каждый экономический агент продуцирует из себя, являясь одновременно «приемником» информационных сигналов всех остальных контрагентов. Именно стимулы, бесконечно продуцируемые экономическими агентами, проходя через «сито» свободной воли всех субъектов экономики, формируют заинтересованность в экономической активности. Именно этой парой категорий можно и нужно описывать исходные базисные причинно-следственные связи в экономике. Законы в экономике не действуют без интереса. И узловым пунктом этого алгоритма являются стимулы.

Таким образом, все экономические агенты генерируют потенциально не ограниченное число стимулов для неограниченного числа потенциальных контрагентов. Одновременно, все экономические агенты оценивают мириады стимулов вокруг них, делают выбор и, ведомые возникшей заинтересованностью, вступают во взаимовыгодные отношения, совершая сделки и заключая контракты. При этом в результате встречи этих двух множеств выделяется ядро и периферия, где соответственно стимулы вызывают прилив энтузиазма и, наоборот, холодное равнодушие. Следующая итерация изменяет набор стимулов и настроения контрагентов. И так до бесконечности.

Важно в приведенных тезисах следующее – в экономике действует универсальная и всеобщая причинно-следственная взаимосвязь стимулов и заинтересованности, и эта причинно-следственная взаимосвязь принципиально иная, чем в сфере естественных наук.

Принципиальная структура стимула сводится к отношению двух пропорций, когда два субъекта, вступающие или оценивающие целесообразность вступления в отношения, оценивают то или иное действие с точки зрения соотношения результата и затрат. При этом всегда существует центр этого отношения, – единый для обоих субъектов – который для одного из них обязательно выступает затратами, а для другого обязательно результатом. Отношение (контракт, сделка) станет реальностью, если каждый из них оценит превышение своего собственного результата над затратами как удовлетворительное. И, наоборот, отношение (сделка, контракт) не сложится, если хотя бы один из контрагентов посчитает соотношение результата и затрат неудовлетворительным.

Эта характеристика универсальна для любого экономического отношения, будь то сделка обмена, купли-продажи, найма, займа и т. д. Возьмем в качестве примера отношения найма рабочей силы. Работодатель предлагает работу за определенное вознаграждение. Работник оценивает предложение. Вознаграждение является центральным элементом предполагаемого контракта. Объективно это одна и та же сумма денег. Но субъективно для каждой из сторон отношения вознаграждение выступает диаметрально противоположным полюсом. Для работодателя это затраты. Для работника – результат. Предполагаемая работа для работодателя является искомым результатом, так как, скорее всего, является составной частью производственного процесса, направленного на создание продукта, включающего в себя добавленную стоимость. Для работника предполагаемая работа есть нечто совсем иное. Это некоторое количество рабочего времени, отданное труду определенного качества и интенсивности. Таким образом, одна и та же работа каждым участником сделки оценивается с принципиально различных позиций.

Итак, если смотреть на отношения найма рабочей силы с позитивистских позиций, то это просто вид деятельности за определенное вознаграждение. Без учета реальности стимулов, которые соединили контрагентов, мы получим «одномерную» картину, которая столь радикально упростит реальность, что мы уклонимся от реальной жизни в сторону безжизненных абстракций. И, наоборот, как только мы включим в предмет анализа стимулы, мы вернемся к реальной действительности, к пониманию

той «химии», которая толкает людей к взаимодействию, определяет вариативность сценариев развития ситуации и вероятность их реализации.

Последний тезис становится очевидным, если мы переходим от принципиальной модели стимула к реальному миру встречи всей совокупности множеств предлагаемых контрактов. В реальном мире происходит встреча множества предложений найма, с одной стороны, и множества соискателей найма, с другой. Каждый из работодателей управляет особым бизнесом со специфической комбинацией факторов производства, с собственным уровнем эффективности использования наемного персонала, со своим, в конечном счете, уникальным уровнем эффективной оплаты труда. Каждый из работников является носителем субъективной системы ценностей, где уникальным образом у него ранжированы потребности и на основе этой шкалы он оценивает предложения на рынке труда. Эти два множества не могут не пересечься. Но одновременно, часть бизнесов будет испытывать недостаток рабочей силы, а часть потенциальных работников не найдет себе применения. Таким образом, не может быть и абсолютного тождества этих множеств.

Можно ли, анализируя пересечение этих множеств, ставить вопрос о закономерностях? Пока давать ответ рано. Но в рамках наблюдаемых тенденций в каждый момент времени и в рамках определенного экономического пространства будет складываться норма, к которой это распределение будет тяготеть. Таким образом, из взаимодействия экономических агентов, из этого «котла» стимулов рождается норма как спонтанно складывающийся статистический центр множества заключаемых контрактов. В нашем случае возникает понятие нормальной заработной платы. Точнее, диапазон нормальных заработных плат. И оценка индивидуальных выбросов за рамки этих диапазонов как ненормальные, сверхординарные заработные платы.

Но здесь будет уместно вернуться назад к констатации того факта, что экономическая жизнь не может рассматриваться только с точки зрения свободной воли агентов. Эта свободная воля изначально ограничена. Она ограничена окружающей средой и природной ограниченностью самого человека. Более того, долгие тысячелетия человечество жило с такой незначительной степенью свободы, что в пору было характеризовать всю экономическую жизнь как «царство необходимости». Суровая реальность требовала жесткой регламентации спонтанного порядка, закрепляемого традиционными нормами. Эти нормы возникали и как негативные запреты – табу, так и в виде позитивных правил. Низкая эффективность хозяйства, перманентная угроза голода и смерти от разного рода угроз сводила экономическую жизнь практически к одной необходимости строго следовать традиционным нормам. Но нормы были также стимулами. Это была ситуация непосредственного тождества нормы и стимула.

Итак, на наш взгляд, переосмысление методологии Канта по принципиальному вопросу соотношения закона и свободной воли на основе современных достижений как гуманитарных, так и естественных наук позволяет выделить противоречие должного и сущего как фундаментальную черту экономической жизни, переосмысление которой может претендовать на выдвижение новой парадигмы экономической теории. Ядром её должна стать общая теория стимулов, в рамках которой можно преодолеть дихотомию

позитивной и нормативной экономической теории и предложить новую трактовку принципиального алгоритма действия экономических законов.

Список литературы

1. Берри Н. Австрийская экономическая школа: расхождения с ортодоксией // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта: В 2-х т. / пер. с англ. под ред. В.С. Автономовна и С.А. Афонцева. СПб. : Экономическая школа, 2002. Т. 1. С. 81–105.
2. Боулэнд Л. Современные взгляды на экономический позитивизм // Панорама экономической мысли конца XX столетия / под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта: В 2-х т. / пер. с англ. под ред. В.С. Автономовна и С.А. Афонцева. СПб. : Экономическая школа, 2002. Т. 1. С. 105–108.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст]: в 4 т. / Макс Вебер; [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т.1.
4. Кант И. Критика чистого разума. Критика практического разума. Критика способности суждения: [перевод с немецкого]. М. : Издательство «Э», 2018. 464с.
5. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / Дж.М. Кейнс; вступ. Статья Н.А. Макашевой. М. : Эксмо, 2007. 960 с.
6. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы, и политика. В 2 т.: пер. с англ. 11-го изд. Т. 1. М. : Республика, 1992. 399 с.: табл., граф.
7. Марков А. Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 2: Обезьяны, нейроны и душа. М. : Астрель: CORPUS, 2011. 512с.
8. «Невидимая рука» рынка [Текст]: пер. с англ. /под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена; науч. ред. д-р экон. наук, проф. Н. А. Макашева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. XIV, 388с.
9. О’Брайен Д. Теория и эмпирическое наблюдение // Панорама экономической мысли конца XX столетия / под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта: В 2-х т. / Пер. с англ. под ред. В.С. Автономовна и С.А. Афонцева. СПб. : Экономическая школа, 2002. Т. 1. С. 59– 80.
10. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории / пер. с англ.; под ред. В.С. Катькало, Н.П. Дроздовой. СПб. : Издат. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2005. XXXIV + 702 с.
11. Шумпетер Й. История экономического анализа: В 3-х т. / пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. СПб. : Экономическая школа, 2004. Т.3 X + 678 с.

FREE WILL AND ECONOMIC LAW: INTRODUCTIN TO THE GENERAL THEORY OF INCENTIVES

V.P. Fedorov

LLC "transport assets Management»

The is considered in the article two alternative treatments of the relationship and the contradictory interaction of “free will” and “economic laws”, which are rooted in the philosophical systems of Hume and Kant. A hypothesis has been forward on the fundamental influence of these alternative concepts on the formation of the classical and “heretical” tradition in economic theory. Rethinking the principle of Kant’s apriorizm, basing on the achievements of modern humanitarian and natural sciences, the author proposes to consider the contradiction of “the proper” and “the existing” as an immanent characteristic

of economic relations in society. This contradiction stipulates a necessity of specific algorithm for realization of laws, where the key role is played by the category of “incentive”. At the same time, it is proposed to abandon the traditional separation of economic theory into “positive” and “normative” one. As an updated scientific paradigm, it is proposed to introduce a general theory of incentives into the scientific use.

Keywords: freedom, incentive, norm, interest, law

Об авторе:

ФЁДОРОВ Валерий Петрович – доктор экономических наук, исполнительный директор, ООО «Управление транспортными активами», e-mail: v.fedorov@tamcom.ru

About the author:

FYODOROV Valerij Petrovich – doctor of economic Sciences, Executive Director, «transport assets Management LLC», e-mail: v.fedorov@tamcom.ru

References

1. Berri N. Avstrijskaja jekonomicheskaja shkola: rashozhdenija s ortodoksiej // Panorama jekonomicheskoy mysli konca XX stoletija / Pod red. D. Grinjeujeja, M. Blini, I. Stjuarta: V 2-h t. / per. s angl. pod red. V.S. Avtonomovna i S.A. Afonceva. SPb. : Jekonomicheskaja shkola, 2002. T. 1. S. 81–105.
2. Boulend L. Sovremennye vzgljady na jekonomicheskij pozitivizm // Panorama jekonomicheskoy mysli konca XX stoletija / pod red. D. Grinjeujeja, M. Blini, I. Stjuarta: V 2-h t. / per. s angl. pod red. V.S. Avtonomovna i S.A. Afonceva. SPb. : Jekonomicheskaja shkola, 2002. T. 1. S. 105–108.
3. Veber M. Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii [Tekst]: v 4 t. / Maks Veber; [per. s nem.]; sost., obshh. red. i predisl. L.G. Ionina; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». M. : Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2016. T.1.
4. Kant I. Kritika chistogo razuma. Kritika prakticheskogo razuma. Kritika sposobnosti suzhdenija: [per. s nemeckogo]. M. : Izdatel'stvo «Je», 2018. 464s.
5. Kejns Dzh.M. Obshhaja teorija zanjatosti, procenta i deneg. Izbrannoe / Dzh.M. Kejns; vstup. Stat'ja N.A. Makashevoj. M. : Jeksmo, 2007. 960 s.
6. Makkonell K.R., Brju S.L. Jekonomiks: Principy, problemy, i politika. V 2 t.: per. s angl. 11-go izd. T. 1. M. : Respublika, 1992. 399 s.: tabl., graf.
7. Markov A. Jevoljucija cheloveka. V 2 kn. Kn. 2: Obez'jany, nejrony i dusha. M. : Astrel': CORPUS, 2011. 512s.
8. «Nevidimaja ruka» rynka [Tekst]: per. s angl. /pod red. Dzh. Itujella, M. Milgejta, P. N'jumena; nauch. red. d-r jekon. nauk, prof. N. A. Makasheva; Gos. un-t – Vysshaja shkola jekonomiki. M. : Izd. dom GU VShJe, 2008. XIV, 388s.
9. O'Brajen D. Teorija i jempiricheskoe nabljudenie // Panorama jekonomicheskoy mysli konca XX stoletija / pod red. D. Grinjeujeja, M. Blini, I. Stjuarta: V 2-h t. / Per. s angl. pod red. V.S. Avtonomovna i S.A. Afonceva. SPb. : Jekonomicheskaja shkola, 2002. T. 1. S. 59– 80.
10. Furubotn Je.G., Rihter R. Instituty i jekonomicheskaja teorija: Dostizhenija novoj institucional'noj jekonomicheskoy teorii / per. s angl.; pod red. V.S. Kat'kalo, N.P. Drozdovoj. SPb. : Izdat. dom Sankt-Peterb. gos. un-ta, 2005. XXXIV +. 702 c.
11. Shumpeter J. Istorija jekonomicheskogo analiza: V 3-h t. / per. s angl. pod red. V.S. Avtonomova. SPb. : Jekonomicheskaja shkola, 2004. T.3 H + 678 s.